

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ СЛОВ В ДРЕВНЕГРУЗИНСКОМ И ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ¹

Член-корр. АН Груз. ССР И. В. АБУЛАДЗЕ (Тбилиси)

Немало общих слов известно в древнегрузинском и древнеармянском языках, свидетельствующих о тесной связи в различных сферах материальной и духовной жизни исконных соседей, говорящих на этих языках. Изучение таких слов уясняет, что часто они, посредственно или непосредственно, происходят или от одного общего источника, или же являются заимствованными друг у друга. К последней категории относятся те слова, которые разбираются ниже.

1. პიბი — ყიბი (ноздри).

Древнейшее употребление этого слова в грузинском литературном языке нам пока известно, прежде всего, из библии, а затем из древнегрузинского перевода Арсения Вачесдзе сочинения Иоанна Дамаскина «Источник знаний» (Πηγὴ γνώσεως).

„პიბი-ი“ встречаем в т. н. гелатской толковой библии (Q—1152), в книге чисел, где в одном месте (11, 20) читаем: „შეჰმდგო, ვიდრემდის გამოდგეს პიბიტაგაბ თქუბთა“. Интересующее нас слово этой фразы პიბიტაგაბ в греческой библии представлено словами „ἐκ τῶν μυατρῶν“ (ἐκ τῶν ἐξέλιθι ἐκ τῶν μυατρῶν ὁ οὖτος, а в армянской — *«րնդ որնգուհն»* (ուտիցէր մինչեւ ելանիցէ ընդ որնգուհն ձեր):

Из сравнений и сопоставлений приведенных текстов ясно видно, что „პიბი-ი“ — носздри, греческое — *μυατῶν* и армянское *ուտիցէ*.

В другом месте, как уже отмечалось, „პიბი-ი“ употребляет Арсений Вачесдзе в осуществленном им переводе сочинения Иоанна Дамаскина «Источник знаний», а именно в 31 главе 11 части книги («Изложение православной веры»). Здесь, как явствует из заглавия («О чувствах»), идет разговор об органах чувств. Отмечается, что органы зрения, слуха, обоняния и вкуса имеются по два, «если что-либо повредит один, то другой будет исполнять его функцию». Эти органы суть — «два глаза, два уха, две носздри (носа) и два языка» („სხუთა საგრძნობელთაგანნი თითოეულნი ორ-ორი შეჰმზადა დამზადებულან, რაჟთა ერთსა თუ რაჟმე ევნოს, მეორე აღასრულებდეს სამარსა. რაჟეთუ ორნი თუალნი და ორნი ყუთნი და ორნი პიბიხნი ცხვრთანი და ორნი ენანი დაჰბადნა“ (рукопись фонда S—1463).

Установлено, что упомянутое сочинение Иоанна Дамаскина переведено с древнегрузинского на древнеармянский язык Симеоном Пхиндзаанским, армянским деятелем первой половины XIII столетия², которому, как еще раньше было выяснено³, принадле-

¹ Доклад, читанный в секции литературы и языка объединенной сессии академий наук СССР, Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР 27 октября 1960 г.

² О древнеармянском переводе сочинения И. Дамаскина «Источник знаний» см.: Р. А. Рубиншtein, *Ռուսթաֆելու զարգրթանի վրայ գրականության արձագանքները հայ գրականության մեջ*, «Տեղեկագիր ՍՍՍՏԻԲ ԳԱ Հայկական ֆիլիալի», № 8 22, Երևան, 1942; ი. აბულაძე, *რუსთაველის ხანის ქართული ფილოსოფიური მწერლობის კიდევ ერთი ძეგლის თარგმანი ძეგლ სომხურზე: «ენიმვის მოამბე»*, 111, თბილისი, 1938;

И. Абуладзе. Древнеармянский перевод еще одного памятника грузинской философской литературы эпохи Руставели: «Сборник Руставели», Тбилиси, 1939; ს. მ. კოსტასი, *შიშლინ ზენგანანის კიბი მარცხანის მკითხველს* (1188—1255), «Հանդես Ամսորեա», 1947, № 193—219.

³ И. Марр. Иоанн Петрицкий — грузинский неоплатоник XI—XII вв., СПб., 1909.

жит также перевод с грузинского сочинения Прокла Диадоха «Элементы богословия», с пространными комментариями Иоанна Петрици, выдающегося грузинского философа, которому принадлежит грузинский перевод этого произведения. Цитируемый отрывок из книги Иоанна Дамаскина в переводе Симеона звучит так: «*ჟანი ღვთაობის ბრძოლი სთბრდის სასიამოვნო ზღაპრისა, որ არც ძინს მიუთხუცხი ზის, ძრის აჟის აღმარებულს ყაყაღს, ჟრ რაღსა და თბის რ, და რაჟინს რორეჟაჟ, და სიამოვნო სთბრდის*».

Из этого также явствует, что „პიბზ-ი“ (ноздря) передано этим же словом — *սոփ* — в армянском, где оно вообще имеет большое распространение как в литературе, так и в диалектах⁴.

Слово „პიბზ-ი“ разъясняется и в толковом словаре виднейшего лексикографа начала XVIII в. Сулхан-Саба Орбелиани. Он правильно передает значение этого слова, говоря, что „პიბზ-ი“ „отверстие носа“, т. е. ноздря⁵. В форме „პიბზ-ი“ это слово приводится и у Д. Чубинова в его грузинско-русском словаре⁶. Этой последней формой („პიბზ-ი“) знакомо оно и зарубежным ученым.

„Грузинское „პიბზ-ი“ — „отверстие носа, ноздря“ [сходно] с осетинским *fipj* „нос“, абхазским *რ'უპ* „нос“, ср. также с кабардинским *fəpʃe* „нёбо“ и египетским *fnp* „нос“. Связь этих слов с армянским не ясна. Г. Юбшманн 397 кавказских слов считает заимствованными с армянского языка, что было бы совершенной истиной, если предположим, что конечный слог грузинского слова „პიბზ-ი“ (-*ზი*) представляет окончание *-ჟი* армянского двойственного числа, что бытует в каринском диалекте *«ყრბზ-ჟი-ზბრ»* (*ყრბზ-ჟი-ზბრ*)», — писал в своем капитальном труде „Корневой словарь армянского языка“ покойный академик Р. Ачарян⁷.

Не располагая данными древнегрузинских текстов, Р. Ачарян, как видно из приведенного суждения, при анализе слова „პიბზი“, знакомого ему лишь из словаря Д. Чубинова, допускает некоторую неточность. Его предположение, что последний слог (-*ზი*) слова „პიბზი“ может быть увязан с армянским суффиксом двойственного числа *-ჟი*, имеющего употребление в некоторых армянских диалектах, не оправдывается данными древнегрузинского языка. Согласно приведенным текстуальным свидетельствам памятников, основой грузинского слова является *პიბზ*. Приведенное же в словаре Д. Чубинова слово „პიბზი“ основой выявляет „პიბზ“, что в форме „პიბზუ“ вполне возможно в древнегрузинском.

Итак, аргумент предположения о заимствовании грузинского слова „პიბზ-ი“ с армянского *«ყრბზ»* не нашел подтверждения со стороны показаний грузинского языка. А то обстоятельство, что налицо присутствие близких форм грузинского слова „პიბზ-ი“ и в других кавказских языках, равно как и отсутствие какой-либо связи армянского *«ყრბზ»* с другими родственными ему языками, подсказывает, что это слово надо считать заимствованным с иберийско-кавказских языков, в частности с грузинского.

О кавказском происхождении осетинского *fupz* указывается и в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» (т. I, М.—Л., 1958) В. И. Абаева. Перечисляя слова из кавказских языков, близкие по звучанию с осетинским *fupz*, автор приходит к выводу, что «Осетинская форма настолько близка к кавказским, особенно абхазской, что отрывать ее от них не представляется возможным».

2. *ძელთვან-ი (+ძელ- — ღელის — ძელისა)

В армянском языке издревле употребляется слово *ձեղուն* «потолок, кровля». Оно встречается как в переводных, так и в оригинальных произведениях. Из переводной

⁴ *Հո. Աճառեան, Հայերէն արմատական բառարան, V.*

⁵ *სულხან-საბა ორბელიანი. თხზულებანი, ტ. IV, ავტოგრაფული ნუსხების მიხედვით გამოსაცემად მოამზადა ილია აბოლაძე. თბილისი, 1965 წ., გვ. 625.*

⁶ «Грузино-русский словарь, вновь составленный Давидом Чубиновым», СПб., 1887.

⁷ *Հր. Աճառյան, указ. соч., стр. 1058.*

Соображение, будто с диалектной формы слова *ძღონ-ქჩნ*-а заимствовано мингрельское „ცხინი“ или „ხეხინი“ (sic), „ცხეხინი“ не убедительно, так как „ცხეხინი“ или „ცხინი“ являются заимствованными с грузинского „სხეხინი“ (скорее мингрельским соответствием грузинского სხეხინი), а не *ძღონ*-а, которое, как отметили выше, нужно считать происшедшим от грузинского „ძეღოვან-ი“ → „ძეღუან-ი“.

„სხეხ-ი“ в грузинском, как видно из словаря Сулхан-Саба Орбелиани, имеются параллельные формы: „სხუენ-ი, სხეხინ-ი, სხუენ-ი“. Ссылка по этому поводу на одну из книг библии, а именно из Иисуса Навина (2,6), точно выясняет нам значение слова „სხუენ-ი“ (с его вариантами). Из армянского же текста библии ему соответствует *տանիր*, то же самое, что и *ძღონ*. Таким образом, „სხუენ-ი“ в грузинском является синонимом „სართულ-ი“, соответствующее по значению армянскому *ძღონ* (← *ძღուան*), заимствованному из грузинского „ძეღოვან-ი“ → „ძეღუან-ი“, которое в одно время в грузинском тоже должно было фигурировать в качестве синонима „სართულ-ი“ и „სხუენი“.

Итак, *ძღონ* (← *ძღուან*) и *ქჩნ* — термины, обозначающие „кровля“, „потолок“ или „чердак“ (дома), заимствованы армянским языком из картвельских языком, первый — *ძღონ* ← *ძღուან* — из грузинского „ძეღოვან-ი“ → „ძეღუან-ი“, а второй — *ქჩნ* — из мингрельского „ცხეხინი“ или „ცხინი“.

Кстати, мингрело-лазское соответствие грузинского слова „ძელ-ი“ — „ჯა(ლ)“, как выяснено Деетерсом¹², тоже заимствовано армянским языком и представлено основой в слове *յալ-ոտ* — „палка, палица“.

3. ლელ-ი — ուղիղ

Самое раннее употребление „ლელ-ი“ в грузинской письменности пока что засвидетельствовано в памятнике XI века¹³. Сороковым годам этого столетия принадлежит новый перевод творения Григория Нисского «О сотворении человека». Георгий Святогорец, известный переводчик с греческого на грузинский язык, в 30-й главе названной книги, где говорится о произрастании волос, для передачи слова «некурчавые» (имеются в виду волосы) употребляет однозначущие слова „ლილი და დახმარებული“, т. е. „прямые“. В армянском переводе упомянутого творения Григория Нисского употреблено слово „*ուղիղ*“, обозначающее то же, что и „ლელ-ი“, т. е. „прямой“.

В том же значении, как у Георгия Святогорца, употреблено „ლელ-ი“ и у Руставели. В поэме „Витязь в тигровой шкуре“ в том месте, где повествуется о взятии каджетской крепости и о встрече Тарнеля и Нестан-Дареджан, сказано, что у Тарнеля „шлем был снят, им приглаженный шел пробор прямых волос“ („მუზარადი მოეხადა, ჰმეხენის აკრვა თმასა ლელსა“). В применении к волосам в том же значении слово это встречаем и в лечебниках, напр. в „Книге врачевания“ („წიგნი სააქიმოჲ“), перевод которой исполнен в начале XIII века, в эпоху Руставели¹⁴.

Как отмечено выше, в армянском языке данному слову соответствует „*ուղիղ*“, что, по-моему, своим содержанием и своей формой нельзя считать случайным совпадением.

Армянское слово „*ուղիղ*“, имеющее значение „прямого, хорошего, правого, истинного“¹⁵, в старину имело и другую форму (написание) — *ուղեղ* — *ulel*, чем оно и фо-

¹² G. Vogt, Arménien et caucasique du Sud. „Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap“, B. IX, 1938, стр. 330.

¹³ Впоследствии оно обнаружилось в раннем переводе (IX в.) с арабского на грузинский язык творения Григория Нисского «О сотворении человека». См. мое издание: «Древнейшие редакции «Шестоднева» Василия Великого и толкования «Об устройении человека» Григория Нисского. Тбилиси, 1964, стр. 292, 2.

¹⁴ წიგნი სააქიმოჲ, ლადო კოტეტიშვილი, მედიცინა ძველ საქართველოში, XIII საუკუნე, თბილისი, 1936, გვ. 57, 15.

¹⁵ Հր. Աճառեան, Հայերէն արմատական բառարան, V, стр. 631.

нетически совпадает с грузинским: *ուղեղ-ulel* — *ლელ-ი-lel*. Единственная разница заключается лишь в начальном гласном *-ու-*, который, видимо, отпадал в данном случае так же, как и в других, — *ուղղորդ-→ղորդ*, *ուղերձ-→ղերձ* и т. п.

Этимология армянского *ուղիղ-ուղեղ* — *ulil-ulel*, как и грузинского *ლელ-ი-lel*, не известна, но зависимость грузинского от армянского бесспорна, ибо в армянском из *ուղիղ*, *ուղեղ* произведены разные слова, как и составлены разные композиты, тогда как в грузинском „ლელ-ი“ стоит особняком, если не примем во внимание то, что оно должно входить в качестве компонента в составном слове *ლელ-წამ-ი-ლერ-წამ-ი*, встречающемся в древнегрузинской письменности с ранних веков.

4. გურკნვა — გრკვნვა — գրկել (← գիրկ)

В одной из редакций грузинской библии, в т. н. гелатской (Q—1152), в книге чисел в одном месте (11, 12) читаем: „აღიხუნ იგინი წაიღსა შენსა, ვითარცა აღიქვს მგრკვნველმან მწთარი“. В другой редакции той же библии соответствующий текст гласит: „შთაისხენ ეგენი წიალთა შენთა, ვითარცა აღიქვს დედა მძუძემან მწთარი ჩხვლი“.

Из сопоставления этих двух контекстов ясно видно, что „მგრკვნველი“ по значению сходен с „დედა-მძუძე“, т. е. они являются синонимами, которым из греческой библии соответствует *μητρικα*, а из армянской — *դայեակ*, что значит „кормилица, няня“.

Форма „მგრკვნველი“ представляет собой причастие настоящего времени. Она произведена от глагола „გრკვნვა“. С такой формой этого глагола в других памятниках грузинской письменности пока еще не приходилось встречаться. Была обнаружена лишь форма „გურკნვა“ в одном месте „Мученичества Филектимона“, которое принадлежит к числу ранних переводов с армянского¹⁶. Здесь читается: „არა რეცა გუშინ გიგურკნევდი შენ მკართა გედა ჩემთა?“¹⁷, что в армянском оригинале выглядит следующим образом: „*«ոչ երէկ դդուէի դեպ ի գիրկս իմ»*“¹⁸. „გურკნვა“ этого сочинения то же самое, что и „გრკვნვა“ гелатского списка грузинской библии.

Значение „გურკნვა“, или „გრკვნვა“, может быть уяснено лишь сопоставлением грузинского перевода с армянским оригиналом „Мученичества Филектимона“. Формам „გიგურკნევდი“ грузинского текста в армянском находит соответствие *գդուէի*, что в переводе означает: „ласкал, брал в лоно или в объятия (с любовью)“.

Для армянского соответствия грузинского „გრკვნვა“ (resp. გურკნვა) *գդուէի*, по нашему мнению, исходной основой является *դող* „лоно, объятие“, тогда как для самого грузинского „გრკვნვა“ (resp. გურკნვა) исходной основой является „გრკ-“ (что в производном от нее слове „გრკ-ალ-ი“ „дуга“), которой соответствует армянское слово (основа) *գիրկ* (→ *գրկել*), по значению то же самое, что и *դող*.

Этимология армянского слова *գիրկ* (→ *գրկել*) доселе не выяснена, но несмотря на это, оно является источником для грузинской основы „გრკ-“ („გრკ-ალ-ი“) и производных от нее „გრკვნვა“ и „გურკნვა“, так как именно в нем (в армянском) сохранено его первоначальное, предметное значение.

Из глагола „გრკვნვა“, как отметили, происходит термин „მ-გრკვნველ-ი“, который соответствует другому более распространенному грузинскому термину „დედა-მძუძე“ — „мать-кормилица“. Первоначальное значение „მგრკვნველი“, это — „обнимающая, берущая в лоно или в объятия“, а переносное — „кормилица, няня, воспитательница“.

¹⁶ ილ. აბულაძე. ქართულ-სომხური ფილოლოგიური შტუდიები, „მრავალთავის“ ზოგიერთი თავის წყარო: „თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები“, VI, გვ. 329—347, 1936.

¹⁷ კ. კეკელიძე, კიმენი, ნაწ. I, 142, 16, თბილისი, 1918.

¹⁸ Վառն և վկայարանութիւնք սրբոց, հատրտիւր քաղեալք ի ճառերտրաց, հատ. II, վեხե-տիկ, 1874, стр. 450, 33.